

Обычно туристы, которые приезжают отдохнуть в незнакомый город, сначала ищут чужие маршруты в интернете, затем обходят все популярные места, где нужно обязательно поесть или побывать, изучают маршруты транспорта и цены, а уж если останется время — исследуют что-то ещё.

Цзян Шоуянь был другим. Он столько раз приезжал в Лиссабон по работе, что назубок знал названия станций метро. Но раньше работа отнимала всё время, и он не посетил ни одной известной достопримечательности. Теперь же, когда появилось свободное время, Цзян Шоуянь лениво ехал в трамвае и, казалось, не проявлял особого интереса к тому, что видел за окном.

Вдоль дорог всюду цвели жакаранды. Цзян Шоуянь смотрел в окно. Когда трамвай спустился со склона и повернул, он сказал:

— Давай выйдем на следующей остановке.

Чэн Цзайе, наклонившись, выглянул в окно: он увидел лишь несколько узких переулков. Снова откинувшись на спинку сиденья, он кивнул:

— Хорошо.

Лиссабон стоит на холмах. Трамвай спускался, так что им пришлось подниматься. Возможно, из-за того, что Чэн Цзайе постоянно его подкармливал, Цзян Шоуянь в последнее время стал выносливее. Раньше он проходил пару шагов и лениво замедлялся, чтобы передохнуть. На этот раз он преодолел последнюю ступеньку, прислонился к перилам и, опустив глаза, едва заметно перевел дух.

Цзян Шоуянь не привык выставлять чувства напоказ. Он был единственным мужчиной в семье и с малых лет знал: многое держится на нём. Пока другие дети с плачем бежали к родителям из-за разбитых коленок, он уже умел отряхнуть ладони, подняться и наложить заплатки на порванные брюки. Видимо, за долгие годы это вошло в привычку. Если он сам того не хотел, никто не мог прочесть на его лице плохое настроение. За годы работы коллеги тоже привыкли, что с ним очень комфортно общаться.

На этой улице росло много жакаранд. Налетел порыв ветра, и сине-фиолетовые лепестки с тихим шорохом осыпались вниз, устилая длинную дорогу. Чьи-то пальцы очень легко коснулись его волос. Цзян Шоуянь поднял глаза и увидел, как Чэн Цзайе убирает руку. Между его пальцев был зажат лёгкий лепесток.

— Упал на волосы. — Чэн Цзайе смотрел прямо и открыто. Он не спеша спрятал лепесток в карман естественным движением, словно мобильный телефон.

Цзян Шоуянь заметил это краем глаза, но взгляд не отвёл. Он посмотрел на Чэн Цзайе и сказал:

— А ты, оказывается, любишь цветы.

— Только сейчас заметил? — спокойно отозвался Чэн Цзайе. — Думал, это стало ясно по моей вазе с подсолнухами.

— Они и правда хороши, — отдышавшись, Цзян Шоуянь двинулся дальше. — Я сегодня выходил и видел, что цветы полностью раскрылись.

Приходя, Чэн Цзайе каждый раз ухаживал за подсолнухами в вазе. Те, что он принёс в прошлый раз, цвели великолепно — словно маленькие солнца на подоконнике.

Цзян Шоуянь остановился перед узким переулком. В Лиссабоне много подобных улочек с невысокими жилыми домами по бокам. Неаполитанская желтизна стен оттеняла черты лица Цзян Шоуяня. Чэн Цзайе проследил за его взглядом: там висела фотография в рамке. Со снимка улыбалась пожилая женщина.

— Наверное, жительница этого дома, — объяснил Чэн Цзайе. — Иногда люди вешают фотографии любимых на стены. Так они показывают прохожим свою вечную любовь.

Цзян Шоуянь коснулся кольца на шее. Указательный палец медленно скользнул по его краю. Вечная любовь? Он никогда не видел отца, зато часто видел, как мать, сжимая это кольцо, сходила с ума. Возможно, поэтому он не верил в вечную любовь.

Цзян Шоуянь задумался и не заметил, как изменилось лицо Чэн Цзайе. Тот молча наблюдал, как Цзян Шоуянь крутит кольцо. Чэн Цзайе хотел спросить, о чём он думает, но, взглянув на его шею и профиль, промолчал, чувствуя, что Цзян Шоуянь расстроен. А раз так, не стоит задавать лишних вопросов и добавлять ему тягот. Но ситуация задевала Чэн Цзайе, он, плотно сжав губы, бросал взгляды на Цзян Шоуяня.

Чэн Цзайе вспомнил, как во время игры в баре Цзян Шоуянь сказал, что кольцо символизирует прошлое. Не настоящее и не будущее. Значит, у Чэн Цзайе есть шанс. Но кольцо-то женское. К тому же та фраза на смотровой площадке... «Разве не всё равно, будем ли мы вместе?» Чэн Цзайе почувствовал, что ему предстоит тернистый путь.

Цзян Шоуянь постоял и вошёл в узкий переулок. Пройдя немного, он почувствовал дискомфорт. Нахмурившись, он понял: Чэн Цзайе слишком молчалив. Обычно тон их разговорам задавал Чэн Цзайе, но сейчас Цзян Шоуяню предстояло самому нарушить тишину. Несмотря на свою светскую обходительность, он на мгновение замялся.

Цзян Шоуянь уклонился от свисающей сверху бугенвиллеи и стал спускаться по ступеням. Стоило ему сделать пару шагов, как сзади раздался тихий щелчок. Цзян Шоуянь обернулся и столкнулся со смущённым Чэн Цзайе, который забыл отключить звук затвора и вспышку.

— Кхм, — попытался оправдаться Чэн Цзайе. — Тут отличная композиция.

— Да неужели? — рассмеялся Цзян Шоуянь. — Тогда сфотографируешь меня ещё раз?

На этот раз Чэн Цзайе тщательно всё настроил и отключил лишние звуки. Цзян Шоуянь редко куда-то выбирался и почти не фотографировался. Он лениво смотрел в камеру и даже не пытался позировать, но его лицо было прекрасным: он отлично получался с любого ракурса. Чэн Цзайе замер, глядя на экран. Его палец завис над кнопкой съёмки, и лишь спустя долгую секунду нажал на неё.

— Готово.

— Дай посмотрю, — попросил Цзян Шоуянь.

Это был ракурс сверху вниз: узкий переулок, длинная улица и далёкое, едва заметное море. Стены по бокам служили рамкой, в правом верхнем углу висел край одеяла, которое сушили жильцы. Спокойный кадр дышал уютом и духом повседневной жизни, а человек на фото казался полным жизни.

— И правда неплохо, — Цзян Шоуянь вернул телефон. То ли из-за света, то ли из-за ракурса, но, глядя на это фото, он вспомнил свой первый приезд в Лиссабон. — Я ведь когда-то был таким же свободным и ярким.

Тогда заканчивалось лето третьего курса и казалось, что всё налаживается. С помощью преподавателя он нашёл отличную стажировку, фирма даже хотела подписать с ним контракт, чтобы взять в штат сразу после выпуска. Но офис находился в Пекине, а работа предполагала постоянные поездки за границу. Его бабушка была уже стара — Цзян Шоуянь не мог оставить её и в итоге отказался.

Чэн Цзайе долго смотрел на фото и произнёс:

— Ты и сейчас такой.

Цзян Шоуянь вскинул бровь:

— Ты меня тогда не видел, а говоришь — такой же.

Чэн Цзайе улыбнулся и ничего не ответил. По узкому переулку пронёсся ветер. Юноша опустил глаза и переместил снимок в альбом под названием Riley, который был создан 19 августа 2017 года. Семь лет назад, тем долгим летом.

Пообедав, они поехали обратно. Днём нещадно палило солнце. Кожа Цзян Шоуяня покраснела уже через десять минут. Машина остановилась на парковке под домом. Цзян Шоуянь поблагодарил своего гида и попрощался. Чэн Цзайе отпустил руль и в шутку спросил:

— Не пригласишь меня наверх, посидеть?

Цзян Шоуянь отстегнул ремень безопасности:

— Хочешь подняться?

Цзян Шоуянь вчера совсем не спал, фактически провёл всю ночь на ногах ради рассвета, а потом гулял целое утро. После обеда по дороге назад он начал клевать носом, а сейчас его глаза совсем слипались от усталости.

— Пожалуй, не стоит, — ответил Чэн Цзайе.

Они перебросились парой пустых фраз, но никто не скучал.

— В другой раз. Домашние подсолнухи всё ещё ждут, когда ты их выходишь. — Цзян Шоуянь закрыл дверцу машины и, наклонившись к окну, добавил: — Езжай аккуратно.

Уголки губ Чэн Цзайе поползли вверх, отчего черты лица стали ещё выразительнее.

— Хорошо.

Цзян Шоуянь закрыл дверь и немного подождал, пока не услышал рёв мотора. Достал телефон и открыл чат с Чэн Цзайе. Последними сообщениями были две фотографии: одна со спины, другая — в анфас. Цзян Шоуянь долго рассматривал снимок, где он смотрит прямо в камеру. Тогда он согласился сфотографироваться лишь для того, чтобы Чэн Цзайе не было неловко, но не ожидал, что фото получится настолько удачным. На мгновение Цзян Шоуянь даже запутался во времени, словно ему снова двадцать один, когда всё только начинается, а не двадцать восемь, когда он измотан душой и телом.

По странному наитию Цзян Шоуянь сохранил фотографию и выложил в ленту, добавив в описание лишь один смайлик — солнце. Не прошло и пяти секунд после обновления страницы, как зазвонил телефон. Это был Ци Чжоу. Обычно Ци Чжоу писал в WeChat, боясь, что звонок разозлит неисправимого Цзян Шоуяня, и звонил, только если тот слишком долго не отвечал. Так Ци Чжоу проверял его состояние. Цзян Шоуянь дорожил их дружбой, ведь Ци Чжоу был его единственным другом. Каждый вечер перед сном он писал ему: «Сплю», а Ци Чжоу в ответ присылал статьи из паблика кардиологического отделения своей больницы. В их диалоге сохранялось странное равновесие: сообщение о сне — ссылка на статью. Всё было идеально ровно и гармонично. Только Цзян Шоуянь никогда не открывал ссылок — он не считал себя больным.

— Сегодня не на дежурстве? — Цзян Шоуянь прикинул разницу во времени. Там должно быть около восьми вечера.

— У меня выходной.

На заднем плане было шумно. Цзян Шоуянь прошёл на кухню и налил себе стакан воды.

— Ты на улице?

— Угу, — ответил Ци Чжоу. — Гуляем в парке с Линь-гэ.

Линь Хуань был адвокатом и парнем Ци Чжоу, они жили вместе уже много лет.

— Понятно, — отозвался Цзян Шоуянь.

Ци Чжоу нашёл свободную скамейку и присел.

— Гулял сегодня? Судя по фото, ты в хорошем настроении. С кем ты был?

— С другом, — Цзян Шоуянь сделал несколько глотков воды. — Просто случайный снимок.

Случайный снимок? Ничего нормального в том, что Цзян Шоуянь, который сто лет ничего не выкладывал, вдруг решил опубликовать пост, не было. Ци Чжоу осторожно спросил:

— Ты веселился? Это была внезапная радость? Чувствуешь какое-то возбуждение?

Цзян Шоуянь поставил стакан. Ему стало немного не по себе от такой опеки.

— Нет. Ци Чжоу, я в порядке. Я понимаю, что делаю.

Голос друга и правда звучал спокойно. Ци Чжоу хотел сказать что-то ещё, но побоялся, что Цзян Шоуянь разозлится и его настроение снова испортится. Сегодня по фото ему показалось, что друг в порядке, но он не знал, действительно всё налаживается или Цзян Шоуянь переходит в более тяжёлую стадию. Впрочем, хуже быть уже не могло.

— Хочу спать, — сказал Цзян Шоуянь. — Давай закончим разговор.

Даже после стольких лет знакомства Ци Чжоу не мог разгадать мысли друга. Когда тот не хотел говорить, никто не мог узнать, что у него на уме.

— Хорошо, спи. Не заставляй себя делать что-то через силу.

Цзян Шоуянь повесил трубку, преодолевая усталость, сходил в душ. Коснувшись кровати, сразу провалился в сон.

Он проснулся только в шесть вечера. За окном всё ещё было светло. Цзян Шоуянь лежал, ещё не до конца придя в себя, и оцепенело смотрел на закат. Телефон прожужжал несколько раз. Цзян Шоуянь потянулся за ним, задержался взглядом на розе — и замер на мгновение.

Сообщения были от Чэн Цзайе. Возле его аватарки горел значок: шесть непрочитанных сообщений. Последнее гласило: «Ещё не проснулся?»

Цзян Шоуянь не стал отвечать сразу и пролистал чат вверх.

Чэн Цзайе: Скоро выходные. Пауло хочет позвать друзей ко мне во двор на барбекю.

Чэн Цзайе: На самом деле он устраивает это ради Мартима. Тот в прошлый раз встретил в баре девушку, которая ему понравилась, но он тогда перебрал и слишком много танцевал, поэтому забыл попросить номер.

Чэн Цзайе: Он несколько дней доставал Пауло. Тот ответил, что девушку привёл кто-то другой и номера у него нет, а потом предложил снова позвать её в эти выходные на общий ужин.

Чэн Цзайе: Вообще-то у Пауло есть номер, он просто хочет, чтобы Мартим его умолял. Они лучшие друзья, выросли в одном доме. В детстве Мартим частенько поколачивал Пауло.

Прочитав это, Цзян Шоуянь усмехнулся.

Чэн Цзайе: Пойдёшь? Завтра заеду за тобой.

Чэн Цзайе отправил последнее сообщение и прикинул, что Цзян Шоуянь, скорее всего, ещё спит. Он снова зашёл на его страницу. У Цзян Шоуяня не было ограничений по времени на просмотр ленты, но последние несколько лет он постил в основном рабочие моменты. Личного контента за прошлые годы было совсем мало. Просматривая его ленту, Чэн Цзайе мог лишь примерно представить, как тот жил.

Учился в старшей школе в Сычуани, поступил в университет в Пекине, а потом снова вернулся работать в Сычуань. Возможности и зарплаты в Пекине были намного выше. С талантами Цзян Шоуяня он бы добился там больших успехов. Чэн Цзайе не понимал, почему тот решил вернуться на малую родину.

Чэн Цзайе долистал до выпускного фото. Цзян Шоуянь стоял перед библиотекой в мантии и академической шапочке. Только он хотел открыть снимок, чтобы рассмотреть его получше, как телефон завибрировал. В верхней части экрана всплыло уведомление. Ответ был кратким, как всегда.

Цзян Шоуянь: Во сколько?

<http://bllate.org/book/14908/1435497>